

Витебский круг М.М. Бахтина: мыслительный коллектив или неформальная группа интеллектуалов

©2022 А.Г. Лисов

*Александр Геннадьевич Лисов, кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой философии и политологии
Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины.
E-mail: alisov@tut.by*

Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная Академия ветеринарной медицины». Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. В условиях революционного переустройства общества на рубеже 1910-х и 1920-х гг., когда М.М. Бахтин жил в Невеле и Витебске, стали существенны новые социальные статусы. Важно то, претендовал ли в то время Бахтин на подобные статусы. Претендовал ли он на лидерство в неформальной группе интеллектуалов? С позиции исторической дистанции, опираясь на его собственные оценки, определенно можно сделать вывод, что претендовал. Эти оценки стали данью тому новому месту, которое ученому отводилось в гуманитарной науке XX в. последователями, приложившими немалые усилия к возвращению его имени и заслуг. Бахтин принимал новые правила игры, включался в нее. В этой связи его собственные свидетельства (а он был, как мы убедились, склонен к мистификациям и мифотворчеству) должны быть подвергнуты объективной оценке. В какой мере его место в группах интеллектуалов в Невеле, Витебске и Ленинграде было лидирующим? В какой мере признание это лидерства отражает истинное положение вещей? Академическая биография ученого должна дать всесторонний ответ на этот и другие вопросы. Очевидно, что проблема Круга Бахтина напрямую связана с проблемой авторства. В некотором смысле это является способом объяснения феномена ранней зрелости научных идей Бахтина. Статья является итогом многолетней работы автора над проблемой Круга Бахтина, начавшейся в 1990-х гг. и продолжающейся до сегодняшнего момента.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Витебск, Невель, Круг Бахтина, мыслительный коллектив, В.А. Рейдемейстер (Вейгер-Рейдемейстер), А.О. Ццохер.

«Круг Бахтина» – феномен, осмысление которого в 1990-х гг. стало актуальной проблемой и продолжает таковой оставаться до настоящего времени. Чрезвычайно важна она и в контексте создания научной биографии ученого. Об этом феномене написаны книги и статьи. Здесь нельзя не вспомнить самые известные публикации [2, 10, 13, 14,16]. В связи с названной проблемой сам ученый определяется как «интеллектуальный лидер» научно-философского круга, который обозначен его именем и известен как Круг Бахтина.

Попытки очертить феномен Круга Бахтина берут начало в работах, посвященных изучению периода учебы братьев Бахтиных в Виленской гимназии. Утверждение самого существования этого феномена появляется в исследованиях невельского периода жизни Бахтина, когда он жил в Невеле и преподавал в единой трудовой школе, т. е. был включен в определенный социальный круг, который можно назвать интеллектуальным. Это тесный круг единомышленников-интеллектуалов, в ряду которых традиционно называют В.Н. Волошинова, Б.М. Зубакина, М.И. Кагана, Л.В. Пумпянского, М.В. Юдину. Надо признать, что круг общения Бахтина в Невеле гораздо более широк и включает в себя имена деятелей из новой советской номенклатуры, занимавших ответственные посты в местном уездном отделе образования, способных благоприятствовать только нарождавшейся, но уже социально чуждой интеллигенции. Подтверждением этому могут служить невельские фотографии ученого.

Тем не менее, выделенный В.Л. Махлиным, перечисленный выше и традиционно называемый круг имен обозначается как «Невельский кантовский семинар», он же –

«Невельский круг Бахтина» [10]. Биографии членов этого круга чаще всего имеют отсылку: «входил в круг Бахтина». Момент выбора имен в традиционном перечне связан с биографией ученых последующих периодов, их позднейшими контактами и находит продолжение в проблеме авторства. Здесь важны не только повторяющиеся, но и новые имена. Таким в Петрограде/Ленинграде становится имя Ивана Ивановича Канаева, который входил в ближайший круг Бахтина с 1924 г.

В правомерности идеи лидерства ученого в своей версии биографии Бахтина пытается усомниться А.В. Коровашко. Он говорит о виленском кружке гимназических лет и настаивает на том, что лидерствовали там другие. Говоря о невельской поре, он заявляет, что «лидером тамошней неокантианской диаспоры Бахтин, разумеется, не был. Авторитет Кагана выглядел тогда куда весомее, а талант и эрудиция Пумпянского не нуждались в бахтинских верительных грамотах» [5, с. 231]. Наконец, Коровашко подводит итог и прямо указывает на то, что «понятие “круг Бахтина” имеет смысл только как простое множество людей, с которыми Бахтин тесно общался на каком-то отрезке своей жизни» [5, с. 231]. Несмотря на то, что многие идеи биографа вызвали острую критику, в т. ч. и те, которые касаются проблем «круга» и «авторства спорных текстов», нам представляется все же целесообразным их осмыслить. Ведь проблема авторства упирается в определение Круга. В какой бы степени ни был случаен круг общения Бахтина, есть основание задаться вопросами, что он вынес из этого общения, как оно повлияло на его научные концепции?

В сентябре 1920 г. Бахтин был принят на работу в Витебский институт народного образования. Никаких документов, подтверждающих квалификацию, для поступления на работу в Витебский институт не потребовалось. Достаточной оказалась рекомендация Пумпянского, что очень показательно в отношении характеристики еще избавленной от изрядных бюрократических проволочек процедуры. Это создавало основу для самых разнообразных мистификаций, ведь уже в середине 1920-х гг., а тем более, в 1930-е гг. даже в провинциальных витебских вузах такое было бы невозможно. Известны случаи, когда по поводу «самозванства» педагогов, их квалификации и званий, проводились расследования и звучали обвинения о том, что в педагогическую среду проникают «аферисты». Так, к примеру, обстоит дело 1934 г. с подделкой документов в Витебском ветеринарном институте профессором кафедры общественных наук Ю.А. Преображенским. Расследование коснулось кафедры общественных наук, марксизма-ленинизма, где уже с середины 1920-х гг. проводилось пристальное изучение педагогических кадров, практиковались чистки.

Нам уже приходилось писать о жизненных обстоятельствах, связанных с появлением Бахтина и его семьи в Витебске. Напомним важнейшие детали. Бахтин приехал в Витебск из Невеля в начале осени 1920 г. «Невельский кружок» просуществовал недолго, но, несомненно, сильно повлиял на Бахтина, способствовал его становлению как мыслителя. Уже осенью 1918 г. в Петроград уехала М.В. Юдина, в августе 1919 г. в Витебск перебрался Пумпянский, а вслед за ним туда же – В.Н. Волошинов. Кружок распадался, хотя его члены пытались поддерживать между собой связи. К осени 1920 г. желание уехать из Невеля возникло одновременно у Кагана и у Бахтина. Каган тогда уехал в Петроград.

Очевидно, предложение приехать в Витебск сделал Бахтину Пумпянский, друг гимназической юности его брата – Николая Бахтина. Пумпянский жил в Витебске, трудился в созданной в 1918 г. Народной консерватории. Его занимала работа над лекционным курсом философии музыки для этого учебного заведения. В Витебске жило немало давних знакомых Льва Васильевича. Кроме того, он сблизился с группой представителей местной интеллигенции, среди которых были В.А. Вейгер-Рейдемейстер, Н.А. Малько, П.Н. Медведев, М.З. Шагал, многие известные столичные музыканты, актеры, художники, литераторы. Надо полагать, что старые связи и новые знакомства дали Пумпянскому возможность посодействовать Бахтину с переездом в Витебск. Он оказался в состоянии решить многие бытовые проблемы Бахтина, нашел для него в Витебске работу и жилье.

Пумпянский способствовал включению Бахтина в тот круг общения, который в равной мере можно было бы называть как Кругом Бахтина, так и Кругом Пумпянского. При

неизменно теплых, дружественных отзывах Бахтина о Пумпянском его свидетельства о нем не очень подробны, хотя их личные отношения длились вплоть до ареста Бахтина и его последующего отъезда в ссылку. Возможно, и переезд Бахтина из Витебска в Петроград, куда Пумпянский отправился в 1920 г., состоялся бы гораздо раньше, если бы не его личные обстоятельства: болезнь. В Витебске внимание к Бахтину поддерживалось неформальным авторитетом Пумпянского. Чем более пристально мы будем изучать научную биографию Пумпянского, тем больше будем находить подтверждений предположению, что многие наиболее ранние интересы Бахтина в литературной сфере возникли благодаря Пумпянскому. Одно из центральных имен здесь, конечно, Ф.М. Достоевский. От достаточно отвлеченных философских устремлений невеликого времени, сформировавшихся при непосредственном участии Кагана, Бахтин обращается к изучению историко-культурной, литературной проблематики.

Одним из первых документов, относящихся к витебскому периоду биографии Бахтина, является его краткая автобиография для поступления на работу в институт народного образования, впервые опубликованная нами [8]. В ней он указывает свой первый витебский адрес: улица Суворовская, 63, квартира Бескина. Именно по этому адресу проживал в Витебске Пумпянский, что подтверждают его консерваторские документы. В связи с этим можно говорить, что по приезду в Витебск Бахтин первоначально поселился у Льва Васильевича. Лишь позднее появился новый адрес Михаила Михайловича, ставший основным на все оставшееся время проживания в Витебске: улица Смоленская, 61, квартира доктора Алексеевской.

На заседании Совета Витебского института народного образования от 23 сентября 1920 г. слушался вопрос об избрании Бахтина преподавателем по кафедре истории западноевропейской литературы. В связи с избранием и появился известный документ, на котором нет даты, но имеется штамп входящей корреспонденции Института народного образования с датой: «6 октября 1920 г.».

В ноябре 1920 г. Пумпянский решил окончательно покинуть Витебск, с 15 ноября он оставил должность преподавателя консерватории. Вероятнее всего, по его же рекомендации чтение лекционного курса философии музыки было предложено Бахтину.

В автобиографической заметке приведена наиболее ранняя (известная на сегодняшний день по витебским документам) дата рождения ученого – 1891 г. [см. подробнее: 8]. В то же время в многочисленных анкетах, именных списках преподавателей института и консерватории встречаются даты: 1892 г., 1893 г. Для чего Бахтину это понадобилось? Мы усматриваем в этом его желание уложить все свое «университетское образование» в период, предшествовавший первой мировой войне. Все даты этой автобиографической версии заметно сдвинуты, отнесены к более раннему периоду.

Автобиография Бахтина рождается из основных жизненных вех его брата, трансформируясь во времени. К этому приему Бахтин впоследствии прибегал постоянно, но вот приведенный вариант явно отличается от всех последующих, обнаруживая на себе влияние другой замечательной биографии – Кагана, который был несколько старше других членов невеликого кружка. Ко времени своего возвращения в Невель он был уже сложившимся ученым, за плечами которого была выполненная в университетах Германии диссертация. Рассказы Матвея Исаевича, превратности его научной карьеры, контакты, несомненно, увлекли Бахтина. Убеждает в этом и многое из сказанного самим Михаилом Михайловичем многие годы спустя. Эти заимствования – свидетельство произведенного впечатления. Они стали для Бахтина своеобразной игрой, граничащей с авантюрой.

Как свидетельствуют биографические материалы и некоторые архивные документы, витебский период жизни ученого продлился до лета 1924 г.

Нас интересует круг постоянного общения Бахтина в Витебске, где он продолжил вести активную педагогическую, общественную деятельность и, по сути, начал целенаправленную научную жизнь. Он был публичной фигурой вплоть до февраля 1921 г., когда болезнь приковала его постели. Летом–осенью того же 1921 г. последовало некоторое улучшение

состояния его здоровья. Но с этого времени он нуждался в помощи и опеке, чтобы сохранять надежду на то, что будет выступать публично и участвовать в общественной жизни.

В витебский кружок интеллектуалов входили приехавшие из Невеля Пумпянский и Волошинов, к ним обычно прибавляют Медведева и Соллертинского, с которыми Бахтин сблизился уже на новом месте. О двух последних в их витебский период жизни написано достаточно [см.: 11, 12, 13]. Оба занимали в культурной жизни города рассматриваемого периода значительное место, и это немало связано с их административными должностями. Но круг витебского общения Бахтина не исчерпывается только названными именами, он несколько шире. В нем оказываются те, кого сам Бахтин называет в своих беседах с В.Д. Дувакиным и те, кого он не называет, но кто известен по письмам и архивным документам.

Ю.П. Медведев, сын одного из тех, кто примкнул к Кругу Бахтина в Витебске, оказывал мыслителю действительную помощь и в витебской ситуации, и в более позднее время – в Петрограде, в кустанайской ссылке – и поспособствовал, как известно, его трудоустройству в Саранске, говорит о круге Бахтина как о «мыслительном коллективе»; Бахтин в нем – «лидер творческого содружества единомышленников» [см.: 13].

Эта оценка может восприниматься эмоционально или концептуально в контексте идей Людвика Флека, изложенной в его книге «Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива». Основу «мыслительного коллектива» в соответствии с этой концепцией составляет стиль мышления. Индивидуальный член никогда не осознает коллективный стиль, тогда как этот стиль оказывает на него принудительное воздействие. Он становится заложником этого стиля [см.: 16]. В некотором смысле это смыкается с идеей коллективного творчества, которую развивал К.С. Малевич в витебский период жизни. С ним, как известно, Бахтин общался в Витебске. Но здесь следует различать понятия «коллективного творчества» и «творчества в коллективе».

В беседах с В.Д. Дувакиным Бахтин называл наиболее заметные имена людей, игравших важную роль в культурной жизни Витебска послереволюционного времени: дирижера и ректора Витебской народной консерватории Н.А. Малько, балетмейстера В.И. Преснякова, пианиста и педагога Н.А. Дубасова. Это его субъективный взгляд на культурную ситуацию. Из этого вовсе не вытекает, что со всеми ними Михаил Михайлович близко общался. О Малевиче он прямо говорит: «мы с ним были в те годы близки» [1, с. 137]. Очевидно, взаимный интерес косвенно подтверждается фактом включения Малевича и Бахтина в научно-философскую ассоциацию, попытка создания которой в Витебске была предпринята весной-летом 1922 г. В нее должны были входить члены группы УНОВИС и профессора В.А. Рейдемейстер, П.Н. Медведев и М.М. Бахтин.

В той части бесед с Дувакиным, которая имеет отношение к Витебску, Бахтин дает общую характеристику культурной жизни города. Вместе с тем он характеризует круг своего общения. Так, Дувакин спрашивает про Витебск: «Вы не пользовались громкой известностью?». Бахтин отвечает: «Нет, я пользовался в очень узких кругах известностью только. Вокруг меня был круг, который называют сейчас “круг Бахтина”... Вот о нем последнее время часто пишут. Сюда включают, прежде всего, Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова. Кстати сказать, все они были и в Невеле, кроме, правда, Медведева» [1, с. 143].

Волошинов занимал административную должность заместителя заведующего музыкальным подотделом Витебского губернского отдела народного образования. Направленность его научной деятельности довольно невнятна [см.: 3]. Во всяком случае, она далека от проблем лингвистики и более связана с его музыкальными и культурно-художественными интересами. Однако именно лингвистическая тематика в дальнейшем становится камнем преткновения в решении «проблемы авторства». Заметим, что в Витебске и Волошинов, и Бахтин были в своих интересах весьма далеки от этой тематики. Очевидно, биографии Пумпянского и Волошинова витебского периода требует более пристального изучения и, в частности, в связи с Бахтиным. Положение Волошинова поспособствовало

налаживанию укреплению профессиональных и личных связей Бахтина с музыкантами, педагогами, его участием в работе Пролетарского университета в Витебске, личным контактам с его создателем, одним из руководителей губернского отдела образования и новым персонажем среди «невельцев» – Павлом Николаевичем Медведевым [см. подробнее: 6, с. 11].

Согласно оценке Ю.П. и Д.А. Медведевых, духовная близость П.Н. Медведева с М.М. Бахтиным была «гораздо более глубинной и широкой по спектру, чем это осознано сегодняшней бахтинистикой»; по их мнению, связь Медведева с «невельцами» вытекает из соображений самого Бахтина, которыми он делится с В.Д. Дувакиным [11, с. 77]. Ю.П. и Д.А. Медведевы настаивают, с одной стороны, на идее «суверенности сознаний», принимавших участие в творчестве «Бахтинского Круга», с другой стороны, на «диалогической общности той концепции словесного творчества, которая была коллективно создана в этом кругу и которую сам Бахтин считал “общей”» [11, с. 77]. И здесь суждение о «Круге Бахтина» становится оборотной стороной проблемы авторства, что заставляет авторов отстаивать суверенность сознания участников научного сообщества. А нужно ли настаивать на том, что в Витебске П.Н. Медведев «легко и органично вошел в среду бывших невеньцев и вскоре стал непременным участником тех бесед, которые велись в этом кругу», что «обнаружившаяся общность интересов и занятий ... не могла не привести к сближению Медведева с Бахтиным» [11, с. 77]. Заметим, что в перечислении этих интересов фигурирует, как и в случае с Л.В. Пумпянским, имя Ф.М. Достоевского. Требуется ли отстаивать суверенитет Медведева – ведь он в ряду многих, с кем Бахтин контактировал и в Невеле, и в Витебске? Медведев был старше и опытнее Бахтина и в научно-творческом, и в преподавательском отношении, к тому же Медведев занимал в витебский период его биографии достаточно высокое положение и в губернном отделе образования, и в профессиональном союзе работников искусств. Пользуясь этим положением, он, очевидно, оказывал Бахтину весьма существенную помощь и поддержку, как делал это и позднее, спустя десятилетие в драматической ситуации ссылки.

В числе общих друзей Бахтина и Пумпянского, Бахтина и Медведева витебских времен назван И.И. Соллертинский, который был их студентом в Институте народного образования. Сохранились записи лекций педагогов в его архиве и зафиксированы некоторые события культурной жизни, участниками которых они были. Для Бахтина Соллертинский остался навсегда бывшим учеником, на успехи которого он обратил внимание позднее, уже в Петрограде-Ленинграде.

Имя Альфреда Оскаровича Цшохера отсутствует в беседах Бахтина с Дувакиным, но упоминается в выявленном письме Бахтина на имя директора Витебской консерватории, датированном 1954 г., где он просит подтвердить свой стаж работы в учебном заведении в связи с оформлением документов на пенсию. В письме Бахтин указывает лиц, которые могли бы подтвердить факт его работы в консерватории на случай отсутствия документальных свидетельств: профессоров Дубасова, Ивановского, Штейна, Зимина, Крейслера. В определенной мере Бахтин сам очертил круг его общения по работе в консерватории. Здесь же он сообщает, что, уезжая, передал чтение курсов эстетики Цшохеру [1, с. 301–302]. Цшохер – весьма примечательная фигура, никак не обозначенная в круге Бахтина. Цшохер в своих дневниковых записях, датированных 1941 г., также не сообщает ничего о Бахтине.

Цшохер получил юридическое образование в Петербургском университете, накануне Первой мировой войны продолжал учебу в Германии, учился в Мюнхенской академии музыки. Начало военных действий вынудило его возвратиться в Россию. Война, революция, а затем голод и разруха вынудили большую семью Цшохеров, как и многих представителей столичной интеллигенции искать место для жизни в провинции. Как и Медведев, Цшохер занимал административные должности в послереволюционном Витебске (губернский отдел образования, отдел профсоюза работников искусств), преподавал в учебных заведениях, участвовал в событиях культурной жизни города, был организатором и автором ряда изданий, посвященных проблемам художественной культуры [см.: 9].

Весной 1918 г. в Витебске была инициирована подготовка к открытию Народной консерватории, возглавить ее был приглашен известный петроградский музыкант Н.А.

Малько. На пост уполномоченного музыкального отдела Народного комиссариата по просвещению по Витебской губернии был назначен Цшохер, который до этого работал в Петрограде в аппарате Наркомпроса. Как представитель центральной власти Цшохер играл заметную роль в создании консерватории, ее обеспечении кадрами и материальной базой.

Распоряжением Центрального музыкального отдела Наркомпроса от 10 февраля 1919 г. был учрежден Витебский музыкальный округ в составе Витебской, Смоленской, Могилевской и Минской губерний, управление которым осуществлял музыкальный отдел. В задачи Округа входило удовлетворение нужд подведомственных учреждений, расположенных в губерниях. Заведующим окружным музыкальным отделом был назначен Цшохер, губернский эmissар МУЗО. С января 1919 г. Цшохер входил в состав коллегии губоно, руководил его музыкальным подотделом, а с мая – музыкальной секцией в составе внешкольного подотдела. Новый круг полномочий давал Цшохеру возможность влиять не только на музыкальную жизнь Витебска, но на изобразительное искусство, театр. Он организовывал митинги-диспуты, лекции-концерты. Несмотря на статус чиновника, Цшохер на публичных мероприятиях и на заседаниях в подотделе искусств (а позднее в профсоюзах) не отказывался высказывать свою личную позицию, которая нередко не совпадала с официальной, его взгляды зачастую были радикально левыми, в отличие, к примеру, от более сдержанных позиций Медведева. Цшохер настаивал на необходимости революционного контроля со стороны государственных органов и профсоюза за проведением мероприятий в разных сферах искусства, особо в театральной деятельности из-за безыдейной частной инициативы.

В январе 1919 г. Витебский губоно заявил вместе с правлением Витебского пролетарского университета, создателем и руководителем которого был Медведев, о необходимости открытия в Витебске государственного института гуманитарных наук и искусств с факультетом внешкольного просвещения. Проект института не удался.

С лета 1920 г. Цшохер активно работал в профсоюзе работников искусств. С этой позиции он подверг критике новое руководство музыкального подотдела и подотдела искусств губоно. Цшохер из музыкального подотдела ушел, хотя преподавательской работой в консерватории продолжал заниматься. Руководителем подотдела был назначен Э.Е. Беллинг, тогда же в его состав был назначен В.Н. Волошинов. Цшохер имел представление о Круге Бахтина, контактировал с его участниками.

В мае 1922 г. Цшохер был уволен с должности заведующего художественным подотделом губпрофобра «по сокращению штатов». Таким образом, он был отстранен от должности в аппарате губоно. Спустя год он был смещен и с должности председателя правления губсорабиса.

Заведуя культурно-просветительной комиссией, а затем культотделом профсоюза, он занимался организацией лекционного бюро. В состав бюро входили В.А. Вейгер-Рейдемейстер, С.О. Грузенберг, П.Н. Медведев, Л.В. Пумпянский, А.Г. Ромм. Цшохер читал лекции по истории музыки, социологии искусства, художественно-эстетической проблематике. Любимой темой его лекций стало творчество Р. Вагнера. В эту работу с осени 1920 г. был втянут и Бахтин. С октября 1921 г. при губернском отделе профсоюза работников искусств была организована литературная студия. В числе профессоров и лекторов студии были М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов, П.Н. Медведев, М.Я. Пустынин, А.Г. Ромм и А.О. Цшохер.

Цшохер был инициатором создания журнала «Искусство» под эгидой профсоюза, первый номер которого в труднейших условиях отсутствия средств и «бумажного голода» удалось выпустить в марте 1921 г. Именно в хронике этого издания, уже в № 1, появилось сообщение о том, что «М.М. Бахтин продолжает работать над книгой, посвященной проблемам нравственной философии» [см. подробнее: 9].

Цшохер преподавал историю музыки в реорганизованном из консерватории музыкальном техникуме, который затем стал профессиональной музыкальной школой. Также вплоть до 1931 г., он занимался в Витебске адвокатурой. В отличие от Бахтина, который

вернулся в Петроград-Ленинград в 1924 г., Цшохер уехал из Витебска в 1932 г. Вернувшись в Ленинград, он не искал контактов с бывшими витебскими коллегами, что было в начале 1930-х гг. уже и не безопасно.

Необходимо назвать имя еще одного витебского знакомого Бахтина, Валериана Адольфовича Вейгер-Редемейстера. Он упоминается в переписке Бахтина и Кагана. Так, в ответном письме от 20 февраля 1921 г. Бахтин пишет из Витебска Кагану, который в то время жил в Орле и преподавал в университете, о том, что его письмо получил через Редемейстера [4, с. 66]. В.А. Редемейстер был местным уроженцем, получившим в Петрограде образование и сделавшим себе на революционном переломе известную и очень непрочную карьеру [см.: 7]. Получив университетское образование, он выдвинулся на гребне революционного февраля 1917 г. в аппарате Временного правительства благодаря многолетним дружеским связям с А.Ф. Керенским. Политическая карьера Керенского оказалась недолговечной. Редемейстер, занимавший заметный пост в аппарате правительства, должен был решить для себя дилемму: покинуть родину или затеряться в провинции.

Конец политической карьеры вынудил его искать работу в Петроградском университете, пользуясь своими научными связями. Обстановка в Петроградском университете была накалена – среди профессуры и студенчества господствовали антибольшевистские настроения. В конце августа 1918 г. Валериан Адольфович приехал из Петрограда в Витебск. Однако и в провинции новая власть постепенно начинала брать верх. Рейдемейстерам принадлежал в городе дом и пригородное имение Тересполь. Имение было конфисковано, подверглось «уплотнению» и городской дом.

В поисках работы осенью 1918 г. Валериан Рейдемейстер занялся преподаванием в только что созданном Пролетарском университете, что в определенном смысле сблизило его с Медведевым. Вместе с Грузенбергом и Пумпянским он вошел в состав правления Университета. При университете было создано Общество свободного искусства. Позднее Рейдемейстер читал в университете лекции по истории культуры, русской истории, социологии. На протяжении 1918–1920 гг. он делал попытки поступить на службу в Витебский институт народного образования. До конца трудно объяснить причины осторожного отношения к нему руководства этого учебного заведения, но лишь в августе 1920 г., почти в одно время с Бахтиным, Рейдемейстер был избран по конкурсу на должность профессора по кафедре истории культуры.

Одной из причин контактов Рейдемейстера и Бахтина являлась высокая общественная активность Рейдемейстера: с апреля 1919 г. он стал заведующим секцией лекций и чтений губоно, много ездил по уездам, приглашал для чтения лекций из Невеля и Пумпянского, и Кагана, и Бахтина. Как заведующий подотделом подготовки школьных работников осенью 1919 г. он посещал уезды для организации педагогических курсов (в октябре, соответственно, был в Невеле). Наконец, поездки по уездам связаны были не только с привлечением лекторов для педкурсов, но и в связи с работой в губернской комиссии по охране памятников старины и искусства. Бахтин же, как известно, занимался этой работой в Невеле, хотя и достаточно вяло. Не приходится сомневаться, что Рейдемейстер и Бахтин были знакомы еще до переезда последнего из Невеля в Витебск. Михаил Михайлович к тому времени уже прошел «школу» Кагана и оказался чрезвычайно восприимчив к философским идеям, их переосмыслению, почувствовал в себе силы к научной деятельности. Рейдемейстер, как и Каган, был старше Бахтина и так же, как Каган, имел опыт учебы за границей и самостоятельной научной работы.

Рейдемейстер периодически выезжал в Орел для чтения лекций в местном университете, где преподавал и Каган. Отсюда и упоминание его в письме Бахтина к последнему.

Среди документов Витебского института народного образования сохранилось несколько программ курсов, которые читал Рейдемейстер в этом учебном заведении: истории первобытной культуры, культуры Древнего Востока, русской культуры, культуры Ренессанса. В программе по истории культуры Ренессанса среди основных вопросов курса обозначен и такой, как «Смех и его место в жизни кватроченто и квинченто». Сама формулировка вопроса

как бы предвосхищает бахтинское понятие смеховой культуры. Трудно без текста лекции делать какие-то далеко идущие выводы, но сам факт примечателен. В своей педагогической и научной деятельности Вейгер-Рейдемейстер продемонстрировал подлинно культурологическое понимание исторического материала. Этот факт можно отметить даже исходя из формулировок тем его публичных лекций, которые были прочитаны в последующие годы. Среди тематики этих лекций следует отметить такие, как «Средневековая культура и ее движущие факторы», «Человеческая личность и ее переживания в эпоху Возрождения», «Новейшие теории исторического знания», «Человеческая личность в эпоху французской революции и после нее». В Витебске появились замыслы двух его книг, рукописи которых были подготовлены к изданию в 1921 и 1923 г. («Очерки средневековой культуры в ее отношениях к католицизму» и «Очерки по греческой религии»), и которые, как и книга Бахтина, были анонсированы в витебской периодике, но так и не были изданы.

Рейдемейстер вел большую педагогическую работу в Витебском институте народного образования, педагогическом техникуме, Витебском отделении Московского археологического института, административную и научную работу в губернском отделе народного образования, комиссии по охране памятников старины и искусства, разборочной комиссии при губернском архиве, читал лекции в институте социальной психологии в Москве, в Орловском государственном университете, в Смоленском институте народного образования. Ученый был в числе организаторов и членов ряда общественных организаций, в частности Витебского отделения Всероссийской научно-педагогической ассоциации.

В 1924 г. в связи реорганизациями, последовавшими в связи с переходом Витебска и части губернии в состав Белорусской ССР, понижением статуса административных и учебных заведений, а, главное, пристального интереса репрессивных органов к его политической карьере и членству в бывшей партии эсэров, Рейдемейстер вынужден был покинуть Витебск. Имя его неожиданно исчезло с общественного горизонта. 1924 г. стал финалом его общественной деятельности. Он уехал в Ленинград, где жил тихо, стремясь не привлекать к себе внимания карающих органов. Он жил в Ленинграде и в группу кружковцев там не входил. От репрессий 1930-х гг., широко развернувшихся после убийства С.М. Кирова, это его не спасло.

В условиях революционного переустройства общества на рубеже 1910-х и 1920-х гг., когда Бахтин жил в Невеле и в Витебске, стали существенны новые социальные статусы. Важно то, претендовал ли в то время Бахтин на подобные статусы. Претендовал ли он на лидерство в неформальной группе интеллектуалов? Определенно, что с позиции исторической дистанции, опираясь на его собственные оценки, можно сделать вывод, что претендовал. Эти оценки стали данью тому новому месту, которое ученому отводилось в гуманитарной науке XX в. последователями, приложившими немалые усилия к возвращению его имени и заслуг. Бахтин принимал новые правила игры, включался в нее. В этой связи его собственные свидетельства (а он был, как мы убедились, склонен к мистификациям и мифотворчеству) должны быть подвергнуты объективной оценке. В какой мере его место в группах интеллектуалов было лидирующим в Невеле, в Витебске и Ленинграде. В какой мере это признание это лидерства отражает истинное положение вещей? Академическая биография ученого должна дать всесторонний ответ на этот и другие вопросы.

Очевидно, что проблема Круга Бахтина напрямую связана с проблемой авторства. В некотором смысле это является способом объяснения феномена ранней зрелости гуманитарных научных идей Бахтина.

В какой мере этот круг общения случаен или не случаен? В той же степени, в какой степени круг общения каждого из нас. Он, разумеется, отражает наш интеллектуальный уровень, наши интересы. Влияние в круге общения, безусловно, является взаимным, но характер этого влияния зависит от формальных и неформальных статусов, склонности и способности быть лидером. Претендовал ли Бахтин на лидерство? В какой мере его положение в неформальной группе способствовало его продуктивной научной деятельности? Во всяком случае, с Витебском впервые были связаны известные амбиции ученого стать автором строго

научного труда, но никак не удовлетвориться скромной статьей в газетной периодике. Определенно, эти амбиции формировала та интеллектуальная среда, в которой Бахтин жил, от которой подпитывался научным, литературным, педагогическим опытом.

Нет сомнения, что в губернском Витебске, где в послереволюционные годы жило много видных представителей столичной интеллектуальной элиты, в сравнении с уездным городом Невелем, круг общения мог быть более широк. Но был ли он достаточно широк, чтобы обрести прочный социальный статус в новой системе общественных отношений, учитывая рецидивы болезни, которые стали для ученого серьезной проблемой? Вероятно, нет.

Далее в ленинградском круге Бахтина называют уже известных по Невелю и Витебску В.Н. Волошинова, Л.В. Пумпянского, М.В. Юдину, по Витебску – П.Н. Медведева, И.И. Соллертинского. Появляются здесь и новые персонажи: К.К. Вагинов, Б.В. Залесский, И.И. Канаев, Н.И. Конрад, М.И. Тубянский.

1. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступит. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 342 с.
2. *Васильев Н.Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина». СПб.: Ленард, 2021. 408 с.
3. *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс Ltd, 1995. 383 с.
4. *Каган Ю. М.* О старых бумагах из семейного архива (М.М. Бахтин и М.И. Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 60–89.
5. *Коровашко А.В.* Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017. 452 с.
6. *Лисов А.Г.* П.Н. Медведев в Витебске. Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2 (31). С. 85–119.
7. *Лисов А.Г., Подлипский А. М.* Историк В.А. Вейгер-Рейдемейстер. Витебск: Витеб. обл. тип., 2004. 32 с.
8. *Лисов А.Г., Трусова Е.Г.* Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М.М. Бахтина (Новая находка в фондах Витебского архива) / Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 161–165
9. *Лисов А.Г., Трусова Е.Г.* Витебский музыкальный комиссар // Хронотоп и окрестности. Юбилейный сборник в честь Николая Панькова / под ред. Б.В. Орехова. Уфа: Вагант, 2011. С. 152–164.
10. *Махлин В.Л.* Невельская школа. Круг Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2001. С. 122–135.
11. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Творческое наследие П.Н.Медведева в свете диалога с М.М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 2001. № 2. С. 73–94.
12. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Феномен «Круга» // П.Н. Медведев. Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 1, 848 с. Т. 2. 928 с.
13. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Круг М.М. Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2012. № 3. С. 202–215.
14. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению. Материалы XVII междунар. Бахтинской конф. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. С. 32–34.
15. *Пумпянский Л.В.* Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 847 с.
16. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. Поруса В.Н. М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. кн., 1999. 220 с.
17. *Brandist C.* The Bakhtin Circle. London: Pluto Press, 2002. 221 p.

Vitebsk Circle of M.M. Bakhtin: A Thinking Collective or an Informal Group of Intellectuals

©2022 A.G. Lisov

Aleksandr G. Lisov, PhD in Art History, Associate Professor,

Educational Institution «Vitebsk Order of the "Badge of Honor"
State Academy of Veterinary Medicine». Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. In the context of the revolutionary reorganization of society at the turn of the 1910s and 1920s, when M.M. Bakhtin lived in Nevel' and in Vitebsk, new social statuses became essential. The important thing is whether at that time Bakhtin claimed such statuses. Did he claim leadership in an informal group of intellectuals? Definitely, from the position of historical distance, based on his own assessments, we can conclude that he claimed. These assessments were a tribute to the new place that the scientist was given in the humanities of the 20th century by followers who made considerable efforts to return his name and merits. Bakhtin accepted the new rules of the game and joined it. In this regard, his own evidence (and, as we have seen, he was prone to hoaxes and myth-making) must be subjected to an objective assessment. To what extent was his place in the groups of intellectuals leading in Nevel', in Vitebsk and Leningrad. To what extent does this recognition of this leadership reflect the true state of affairs? The academic biography of a scientist should give a comprehensive answer to this and other questions. Obviously, the problem of the Bakhtin Circle is directly related to the problem of authorship. In a sense, this is a way of explaining the phenomenon of the early maturity of Bakhtin's scientific ideas. This article is the result of the author's many years of work on the problem of Bakhtin's circle, which began in the 1990s and continues to the present day.

Keywords: M.M. Bakhtin, Vitebsk, Nevel, Bakhtin Circle, thinking collective, V.A. Reydemeyster (Veyger-Reydemeyster), A.O. Tshokcher.

1. Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bahtinym / vstupit. st. S.G. Bocharova i V.V. Radzishhevskogo; zakl. st. V.V. Kozhinova. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1996. 342 s.
2. Vasil'ev N.L. Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina». SPb.: Lenard, 2021. 408 s.
3. Voloshinov, V. N. Filosofiya i sociologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: Asta-press Ltd, 1995. 383 s.
4. Kagan Yu. M. O starykh bumagah iz semejnogo arhiva (M.M. Bahtin i M.I. Kagan) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1992. № 1. S. 60–89.
5. Korovashko A.V. Mihail Bahtin. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 452 s.
6. Lisov A.G. P.N. Medvedev v Vitebske. Dialog. Karnaval. Hronotop. 2000. № 2 (31). S. 85–119.
7. Lisov A.G., Podlipskij A. M. Istorik V.A. Vejger-Rejdemejster. Vitebsk: Viteb. obl. tip., 2004. 32 s.
8. Lisov A.G., Trusova E.G. Replika po povodu avtobiograficheskogo mifotvorchestva M.M. Bahtina (Novaya nahodka v fondah Vitebskogo arhiva) / Dialog. Karnaval. Hronotop. 1996. № 3. S. 161–165
9. Lisov A.G., Trusova E.G. Vitebskij muzykal'nyj komissar // Hronotop i okrestnosti. Yubilejnyj sbornik v chest' Nikolaya Pan'kova / pod red. B.V. Orekhova. Ufa: Vagant, 2011. S. 152–164.
10. Mahlin V.L. Nevel'skaya shkola. Krug Bahtina // M.M. Bahtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj gumanitarnej mysli. SPb.: Russkij Hristianskij gumanitarnyj institut (RHGI), 2001. S. 122–135.
11. Medvedev YU.P., Medvedeva D.A. Tvorcheskoe nasledie P.N. Medvedeva v svete dialoga s M.M. Bahtinym // Dialog. Karnaval. Hronotop, 2001. № 2. S. 73–94.
12. Medvedev YU.P., Medvedeva D.A. Fenomen «Krug» // P.N. Medvedev. Sobranie sochinenij: v 2 t. SPb.: Rostok, 2018. T. 1, 848 s. T. 2. 928 s.
13. Medvedev YU.P., Medvedeva D.A. Krug M.M. Bahtina. K obosnovaniyu fenomena // Zvezda. 2012. № 3. S. 202–215.
14. Nikolaev N.I. M.M. Bahtin v 1910-e i 1920-e gody: edinstvo puti // Idei Mihaila Bahtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k polifonicheskomu myshleniyu. Materialy XVII mezhdunar. Bahtinskoj konf. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2021. S. 32–34.
15. Pumpyanskij L.V. Sobranie trudov po istorii russkoj literatury. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. 847 s.
16. Flek L. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva / sostavl., predisl., perevod s angl., nem., pol'skogo yaz., obshchaya red. Porusa V.N. M.: Ideya-Press, Dom intellekt. kn., 1999. 220 s.
17. Brandist C. The Bakhtin Circle. London: Pluto Press, 2002. 221 p.